

УДК 94(575.2):340.141

**ОБ ИНСТИТУТЕ “БАРЫМТЫ” В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ (АДАТЕ) КОЧЕВНИКОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (ПО АРХИВНЫМ И ПРАВОВЫМ МАТЕРИАЛАМ)**

А.Л. Салиев

Рассматриваются проблемы применения института барымты (угона скота) в обычном праве кочевников Центральной Азии, роли суда биев и царской власти в ее решении.

Ключевые слова: Центральная Азия; кочевники; обычное право (адат); барымта; царизм; прокурорский надзор.

**ABOUT “BARYMТА” INSTITUTE IN THE CUSTOMARY LAW (ADAT) OF CENTRAL ASIAN NOMADS
(ON THE BASIS OF ARCHIVAL AND JUDICIAL MATERIALS)**

A.L. Saliev

The problems of “barymта” institute (stealing of cattle) application in the customary law of Central Asian nomads, as well as role of biy court and tsarist authority in its decision are considered in the article.

Key words: Central Asia; nomads; customary law (adat); barymта; tsarism; public prosecutor’s supervision.

Институт барымты (угона скота) сложился в обычном праве кочевников Центральной Азии издревле. Идентичные институты существовали и в традиционных правовых системах кочевников других регионов. Например, угон чужого скота имел место в Монголии. Но в кочевом обычном праве признавался только возмездный угон, но никак не разбойный грабёж скота. Он был, например, зафиксирован в кодексе “Жеты Жаргы”, согласно которому право барымты (насильственного угона скота) предоставлялось в том случае, если проигравшая в суде сторона не исполняла его решения и не возвращала долг. Однако царские власти посчитали иначе. Статья 3512-я “Учреждения для управления инородцев Сибири” гласила: “Баранта почитается грабёжом и за оную, как равно и за убийство, виновные неослабно преследуются и строго наказываются”¹. Согласно статье 3535-й данного правового акта, “за баранту и убийство, произведенные ими (кочевниками. – А.С.) в волостях... преследовать, предавать военному суду и доставлять обиженным удовлетворение”². В более поздних изданиях этого документа барымта не выделялась, но была отнесена к разряду пре-

ступлений, подлежащих рассмотрению в российских, а не кочевых судах³. Например, § 56 “Положения об управлении Оренбургскими киргизами” от 14 июня 1844 г. гласил: “Киргизы Оренбургского ведомства по делам об измене, убийстве, разбоях, баранте, захвате русских и в возмущении своих соплеменников против правительства, судятся военным судом”⁴. Неудивительно, что законодатель продублировал норму о преследовании барымты в “Степном положении” 1868 г.

Выдающийся российский путешественник, исследователь Центральной и Средней Азии Ч. Валиханов писал 1864 г. о том, что “баранта” нередко бывала правомерной, когда нужно было вернуть не возвращаемый долг или отобрать ранее украденное⁵. Современные историки обычного права поясняют, что барымта означала угон скота, как самого виновного, так и его родичей, или жителей

---

¹ Свод законов Российской империи. Т. 2. Свод учреждений государственных и губернских. Учреждения губернские. СПб., 1833. С. 658.

² Там же. С. 660.

³ См.: Учреждение управления области Сибирских киргизов // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 2. СПб., 1857. Ст. 507, примечание. С. 75

⁴ Именной, данный Сенату – Высочайше утвержденное положение об управлении Оренбургскими киргизами. 14 июня 1844 года // ПСЗРИ-2. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1844. № 17998. С. 398.

⁵ Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе // Собр. соч.: в 5 т. Т. 4 / Ч.Ч. Валиханов. Алма-Ата, 1985. С. 94.

его аула. Однако такой угон должен был производиться с разрешения родоначальника (родоправителя). А число угнанного скота должно было соответствовать невыплаченному по решению суда долгу. В таком случае угон (барымта) считался правомерным и не осуждался по адату – напротив, он считался законным правом, причем регулируемым нормами обычного права. Иначе обстояло дело с незаконной барымтой, которая квалифицировалась как грабеж, разбой или кража чужого имущества, что влекло за собой судебное преследование. Однако и при проведении законной барымты нужно было соблюдать нормы обычного права, то есть предупредить ответчика, что если он вовремя не уплатит долг, то он будет истребован посредством барымты. Надо было известить о возможности барымты родоправителя, всех сородичей и т. п.¹ Барымта часто применялась и вне связи с решениями суда – как средство сведения счетов, удовлетворения крупной претензии к кому-либо, как средство обогащения и др. Часто одна барымта порождала ответную от пострадавшей стороны. И далее шли набег друг на друга с угоном скота. Известный российский ученый В.И. Даль, служивший в Оренбургской “Пограничной комиссии”, писал о том, что “барымта превратилась в какой-то гибельный, разорительный промысел. Все роды и племена перепутались во взаимных счетах и начетах и пользуются каждым случаем для взаимного разорения и нападения”². Но потом все доходило до “критической массы” и начиналось перемирие, в котором уже непременно участвовали судьи-бии. Они примиряли, подсчитывали убытки враждующих сторон, устанавливали условия взаиморасчетов и т. д. Вышеупомянутые авторитетные специалисты писали о том, что “в политической истории казахов институт барымты занимает заметное место. Барымта применялась в феодальных междоусобицах, в национально-освободительном, антифеодальном движениях”³. Известный дореволюционный российский юрист (прокурор) Б.Н. Дельвиг писал о том, что, прикрываясь положениями обычного права о “баранте” (барымте) как “способе восстановления нарушенного права путем нападения на аул обидчика, должност-

ные лица киргизов⁴ покрывают скотокрадство и конокрадство”⁵. Таким образом они сознательно и организованно грабят бедных и невинных людей. Соглашаясь с ним, большой знаток обычного права кочевников Центральной Азии З. Зиманов писал о том, что применение права на барымту можно было интерпретировать многосторонне. По его мнению, в реальной жизни барымта часто превращалась в простой угон чужого скота, проще говоря, в кражу⁶. Мы бы обратили внимание еще на одну сторону барымты, придававшее ей некий “романтический” характер – лихачество. Барымта привлекала молодых кочевников тем, что в ней можно было проявить свою ловкость, смелость, отвагу, бойцовские качества, сообразительность, смекалку, умение верховой езды и т. п. В одной из лент киностудии “Кыргызфильм” роль лихого барымтача исполнял выдающийся киргизский актер, художник и писатель Суйменкул Чокморов. С развитием товарно-денежных отношений среди кочевников Центральной Азии, барымта (даже “законная”) все больше превращалась в полускрытый грабеж. Поэтому кочевой фольклор не одобрял его. Например, у киргизов была поговорка: “Запретное возьмешь – будешь наказан”, “Вор не разбогатеет”, “Свой загон оберегай, соседа вором не считай” и проч.

После присоединения Средней Азии к России царская власть издала 6 августа 1865 г. “Временное Положение об управлении Туркестанской области”⁷. Примечательно, что в этом документе, первом нормативно-правовом акте, регулирующем жизнь в регионе, только что включенном в состав империи, барымта была выделена из числа прочих дел кочевого судопроизводства. Так, статья 37 гласила о том, что “дела киргизов между собой разбираются их народным судом биев”, однако в предшествующей ей (36-й) статье указывалось, что “по Полевому... Уголовному уставу судятся, в качестве разбоя, и все дела о барантах (барымте –

⁴ “Киргизами” в то время называли всех кочевников Центральной Азии, кроме туркмен – прим. авт.

⁵ Дельвиг Б.Н. Киргизский народный суд в связи с правовым положением инородцев Степного края / Б.Н. Дельвиг // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 5. С. 128.

⁶ См.: Даулетова С. Барымта и ее ликвидация в первые годы советской власти в Казахстане / С. Даулетова // Проблемы казахского обычного права. Алма-Ата, 1989. С. 86.

⁷ Высочайше утвержденное “Временное Положение об управлении Туркестанской области”. 6 августа 1865 года // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 40. Отд. 1. 1865 год. СПб., 1867. № 42372. С. 876–881.

¹ Дюков Л.В. История государства и права Казахской ССР. Т. 1 / Л.В. Дюков, К.А. Жиренчин, Г.С. Сапаргалиев, А.Н. Таукелев. Алма-Ата, 1982. С. 83.

² Цит. по: Даулетова С. Барымта и ее ликвидация в первые годы советской власти в Казахстане / С. Даулетова // Проблемы казахского обычного права. Алма-Ата, 1989. С. 86–87.

³ Дюков Л.В. Указ. соч. С. 83.

А.С.), имеющих возникать по издании сего Положения”, причем, в примечании к этой статье отмечалось, что “дела о барантах, бывших до 1 января 1865 года, разбираются судом биев под неперменным председательством Управляющего туземным населением”¹. Таким образом, в “Туркестанском положении” 1865 г. законодатель приравнивал барымту к разбою, считавшемуся в России одним из весьма опасных преступлений. Исходя из вышеизложенного в нашей статье, нетрудно понять, почему он вскоре осознал свою ошибку и в проекте “Временного положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях” 1867 г., не получившем законодательного утверждения в общем порядке, но введенном в действие по личному указу императора Александра II, который в § 133 указал, что “баранта и убийство киргизов между собой разбираются судом народным”². При этом в примечании 1 к данному параграфу пояснялось: “Баранта есть угон скота или похищение имущества, вызванное неполучением по каким-либо причинам удовлетворения за нарушение прав лица, аула или рода; она сопровождается насилием и нередко даже убийствами”³. Кроме того, в примечании к § 198 Проекта 1867 г. отмечалось, что “уголовными делами у киргизов, подлежащими суду народному, считаются убийство и баранта”⁴. (Курс. наш. – А.С.). Из этого следует, что буквально за два года мнение законодателя о барымте в Туркестанском крае изменилось фактически диаметрально. Мы намеренно указываем на региональный характер такого изменения, так как во всех других местах так называемой “Киргизской степи” отношение к барымте было фактически таким же, как и в “Туркестанском положении” 1865 г. В § 94 “Временного положения об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях”⁵, утвержденного царем 21 октября 1868 г., отмечалось: “По общим уголовным законам Империи киргизы судятся: за убийство, разбой, грабеж, *баранту* (курс. наш – А.С.), нападение на купеческие караваны, побег в чужие владения, поджоги, делание и перевод фальшивой

монеты, похищение казенного имущества, нарушение уставов казенных управлений и преступления по должности местных киргизских властей”⁶. Приведенное цитирование свидетельствует о том, что в кочевых районах вне Туркестанского края (в так называемых “степных” областях) царское законодательство совершенно по-иному расценивало барымту, приравнивая ее к опасным преступлениям. Но самое любопытное заключается в том, что в примечании 1-м к § 94 законодатель повторил почти слово в слово о баранте то, что писал о ней в Проекте “Туркестанского положения” 1867 г., а именно: “Баранта у киргизов есть угон скота или похищение имущества, вызванное неполучением по каким-либо причинам удовлетворения за нарушение прав лица, аула или волости; она сопровождается насилием и нередко даже убийствами”⁷. Чем объяснялась такая, кажущаяся странной, правовая коллизия? Очень просто. Территории “степных” областей были присоединены к России намного раньше туркестанских и в правосознании их кочевого населения, к моменту присоединения Средней Азии, уже упрочились элементы страха перед царистским законодательством, расценивавшим барымту как опасное имущественное преступление, сопряженное с насилием и кровопролитием. Что касается номадов царистского Туркестана, то они рассматривали ее через призму своего традиционного правосознания и адатов.

Следует обратить внимание на одно немаловажное обстоятельство, связанное с барымтой. Как известно, в мае 1882 г. Семиреченская область была передана царским указом в ведение вновь образованного Степного края (генерал-губернаторства)⁸. Вместе с ней в последнем состояли также области: Акмолинская и Семипалатинская, управлявшиеся на основании “Степного положения” 1868 г., считавшего барымту опасным уголовным преступлением. Можно, конечно, пред-

¹ Высочайше утвержденное “Временное Положение об управлении Туркестанской области”. 6 августа 1865 года // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 40. Отд. 1. 1865 год. СПб., 1867. № 42372. С. 881.

² Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях. СПб., 1867. С. 21

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Еще со времен издания этого документа в публицистике и науке за ним утвердилось название: “Степное положение” 1868 года – прим. авт.

⁶ Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров – Временное Положение об управлении в областях: Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской. 21 октября 1868 года // Цит. по: Материалы по истории политического строя Казахстана. Часть 1. Алма-Ата, 1960. С. 329.

⁷ Там же.

⁸ Именной, данный Сенату – О сосредоточении высшего надзора по управлению областями Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской в лице Генерал-Губернатора и о подчинении губерний Тобольской и Томской Общему порядку высшего управления, существующему для внутренних губерний. 18 мая 1882 года // ПСЗРИ-3. Т. 2. СПб., 1886. № 886. С. 211–212.

положить, что оказавшись в новом крае, номады Семиречья также подпали под действие указанного “положения”, однако это было бы ошибочным. Известный российский туркестановед П.П. Литвинов уточнял, что “после передачи Семиреченской области в ведение Степного генерал-губернатора в 1882 г. на нее по-прежнему распространялось “Туркестанское положение” 1867 г.”¹. Более того, после принятия “Положения об управлении Туркестанским краем” от 12 июня 1886 г., в Семиреченской области действовали положения Проекта 1867 г., которые утратили свое законный статус только с утверждением 25 марта 1891 г. нового “Степного положения”². Но последнее вернуло барымту в ведение народных судов по обычному “кочевому” праву, причем это было сделано не без влияния “Туркестанского положения” 1886 г., на что законодатель прямо указывал в разделе втором – “Судебное устройство”³. Что касается “Положения об управлении Туркестанским краем” 1886 г., то специальная правительственная комиссия под председательством видного бюрократа, графа Н.П. Игнатьева, занимавшаяся с 1884 г. разработкой его проекта, пошла против мнения руководителя правительственной “ревизии” Туркестанского края, сенатора Ф.К. Гирса, считавшего, что “баранту” надо обязательно “причислить к преступлениям, подсудным [русскому] суду по тем же причинам, как и убийство, ибо она весьма часто сопровождается убийством, грабежом и разбоем”⁴. Он отмечал, что русские суды в степях Оренбургского и Сибирского ведомств имеют такого рода опыт⁵. “Баранта” в Туркестане осталась под юрисдикцией “кочевых” народных судов биев.

¹ Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865–1917. (По архивным материалам) / П.П. Литвинов. Елец, 1998. С. 60.

² См.: Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской. 25 марта 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. Отд. 1. СПб., 1894. № 7574. С. 133–147.

³ Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской. 25 марта 1891 года // ПСЗРИ-3. Т. 11. Отд. 1. СПб., 1894. № 7574. Статьи 101–103, 109, 116, 118.

⁴ Отчет ревизирующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. СПб., 1884. С. 332

⁵ Там же.

Это обстоятельство по-разному оценивалось в правящих кругах и общественном мнении. Видный руководитель Туркестанского края, работавший здесь военным губернатором Сырдарьинской области (1883–1893), генерал-губернатором (1906–1908), генерал от инфантерии Н.И. Гродеков был большим знатоком обычного права кочевников региона и автором специальной работы о нем. В частности, он писал и о барымте. Он отличал “законную” барымту, которая применялась в том случае, когда кредитор не мог иным образом получить долг у ответчика, но он должен был угнать ровно столько скота, сколько составлял долг. Гродеков писал о барымте как средстве отмщения обидчикам. При этом он признавал, что зачастую она была просто грабежом скота⁶. Известный дореволюционный юрист А. Зуев писал о том, что “баранта стала средством наглого обогащения, а не возврата долга по обычному праву. Но простой народ ничего не мог сделать, так как было известно, что русский суд дел о краже между киргизами не принимает”⁷. Но тут он явно ошибался. Кочевники Туркестана достаточно быстро освоились с особенностями царистской системы края. И они часто обращались как в российские судебные инстанции, так и в местные и центральные административные органы по поводу несправедливых приговоров своих народных судов. Естественно, что жалобы, как правило, подавала проигравшая в народном суде сторона. Не без помощи опытных русских “стрекулистов”, кочевники сочиняли разного рода прошения, ходатайства, жалобы и т. п., направляя их в высшие инстанции России, не исключая “Собственной Канцелярии Его Императорского Величества по принятию прошений на Высочайшее Имя приносимых”. Не оставляли они без внимания и министерство юстиции. 24 сентября 1899 г. казахи Бектуров, Кенжебаев и Чимурбаев подали именно в это ведомство жалобу, в которой писали о том, что их ложно обвинили в краже скота у кыргызов Тамшинской волости, Пишпекского уезда: одного “иноходца” и 8 лошадей. И народный суд в лице единоличного бия признал их виновными, приговорив к уплате 50 лошадей. Казахи писали о том, что они скот не крали и вообще “от рождения не бывали в Пишпекском уезде”⁸. Они

⁶ См.: Гродеков Н.И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Т.1. Юридический быт / Н.И. Гродеков. Ташкент, 1889. С. 170–171.

⁷ Зуев А. Киргизский народный суд / А. Зуев // Журнал Министерства юстиции. 1907. № 10. С. 200.

⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2647 – По жалобе киргиз Семиреченской области: Бектурова, Кенжебаева и Чимурбаева на постановление Чикильдекского съезда народных судей. Л. 2, об.

отмечали, что не признали приговор и потребовали рассмотрения их дела на съезде судей. Для рассмотрения их дела был созван Чикильдекский чрезвычайный съезд биев в количестве 48 человек, который утвердил прежний приговор. Жалобщики просили министра юстиции разобраться в том, каким образом они пострадали от “умышленного неправосудия”¹. 5 апреля 1900 г. министр юстиции Н.В. Муравьев направил копию жалобы казахов “по принадлежности”² военному министру А.Н. Куропаткину и просил того разобраться в этом деле, приняв “зависящие” от него меры. Куропаткин отдал распоряжение Азиатской части Главного штаба изучить вопрос и подготовить докладную записку с предложениями по данному поводу. К середине апреля 1900 г. такая записка была подготовлена и в ней указывалось, что прокурором Верненского окружного суда приговор Чикильдекского чрезвычайного съезда биев “признается вполне законным”, в связи с чем она рекомендовала военному министру “прошение упомянутых выше киргиз (казахов – А.С.) полагалось бы оставить без последствий”³. Военный министр не последовал совету Азиатской части и приказал испросить на этот счет мнение туркестанского генерал-губернатора С.М. Духовского. 20 апреля 1900 г. Главный штаб направил последнему соответствующий запрос. 20 ноября 1900 г. генерал-лейтенант Н.А. Иванов, исполнявший должность туркестанского генерал-губернатора, писал в рапорте военному министру о том, что дело трех семиреченских кочевников было досконально изучено краевой Канцелярией, которая признала, что они в своей жалобе министру юстиции сознательно исказили факты, а потому ее надо отклонить. 14 декабря 1900 г. Азиатская часть Главного штаба составила новую докладную записку по этому делу, в которой советовала военному министру “прошение... киргиз оставить без последствий”⁴. Куропаткин утвердил предложение Азиатской части. 29 декабря 1900 г. Азиатская часть одновременно уведомила о реше-

нии военного министра, исполнявшего должность туркестанского генерал-губернатора, генерал-лейтенанта Н.А. Иванова и прокурора Верненского окружного суда.⁵ Коль скоро выше было упомянуто о прокурорском надзоре, то мы считаем нелишним затронуть этот вопрос подробнее.

Известно, что “Туркестанское положение” 1886 г. учредило при областных судах прокурорский надзор. П.П. Литвинов в своей фундаментальной статье “Прокурорский надзор в “кочевых” судах Туркестана (1865–1917 гг.)”⁶ отмечал, что номады часто обращались к нему с жалобами на несправедливые приговоры судов биев, в связи с чем многие из их решений опротестовывались прокурорами. Особенно частыми такого рода обращения стали после распространения в 1898 г. на Туркестанский край и “степные области” Судебных уставов 1864 г.⁷ Областные суды были заменены окружными, а прокурорский надзор при них получил более широкие полномочия. “30 июня 1899 г. Судебный департамент Правительствующего Сената издал указ, в котором разъяснил Верненскому (Семиреченскому) окружному суду, что прокуроры могут сами непосредственно принимать жалобы от частных лиц на приговоры народных судов и выносить по ним протесты, если они того заслуживают”⁸. Среди такого рода обращений значительное число составляли жалобы на приговоры по барымте. Поток жалоб в прокурорский надзор со стороны кочевников со временем возрос настолько, что “2 марта 1909 г. Общее Собрание департаментов Правительствующего Сената решило, что “прокурор не может самолично принимать жалобы и протесты туземцев на решения народного суда и выносить свои протесты лично, а обязан вносить в окружной суд всякий представленный ему протест уездного начальника на решения народного суда”⁹. После этого число прокурорских протестов на неправосудие по барымте сократилось. Но это только способствовало росту напряженности в ко-

⁵ Там же. Л. 8, 9.

⁶ Литвинов П.П. Прокурорский надзор в “кочевых” судах Туркестана (1865–1917 гг.) / П.П. Литвинов // Вестник Елецкого государственного университета. Серия: история, право. Вып.1. Елец, 2002. С. 85–105.

⁷ Высочайше утвержденные Временные правила о применении Судебных Уставов к областям Сырдарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семиреченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской. 2 июня 1898 года // ПСЗРИ-3. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15493. С. 389–399.

⁸ Литвинов П.П. Указ. соч. С. 101.

⁹ Там же. С. 103.

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2647 – По жалобе киргиз Семиреченской области: Бектурова, Кенжебаева и Чимурбаева на постановление Чикильдекского съезда народных судей. Л. 3.

² “По принадлежности” – так в те времена писали о подведомственности. Туркестанский край, как известно, изначально (и вплоть до 1917 г.) был подведомственен Военному министерству – прим. авт.

³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2647 – По жалобе киргиз Семиреченской области: Бектурова, Кенжебаева и Чимурбаева на постановление Чикильдекского съезда народных судей. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 7.

чевых сообществах и числа жалоб на “кривосудие” биев по делам о грабительской и разбойной барымте. Но они, как правило, оставались без удовлетворения. Вместе с тем, мы бы не стали утверждать, что такая ситуация носила всеобъемлющий и тотальный характер в царистском Туркестане. В большинстве случаев авторитет обычного права позволял решать дела по барымте примирением сторон.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что институт барымты был изначально присущ обычному праву кочевых народов Центральной Азии. Оно устанавливало возмездный характер применения такого института. Вместе с тем, встречалось немало случаев нарушения указанного характера. Они разрешались судами биев, но не всегда в интересах бедной стороны процесса. Присоединение Средней Азии к России обратило внимание царской власти и на проблему барымты,

в связи с чем в правительственные “положения” об управлении “степными” областями и Туркестанским краем были внесены соответствующие нормы. Они были противоречивы – в одних случаях они рассматривали барымту как уголовное преступление, подлежащее наказанию по приговорам российских судов, в других – отдавали ее под юрисдикцию кочевых народных судов биев. Произвольные решения последних по делам о барымте сдерживались прокурорским надзором лишь частично, тем более, что он мог действовать только по соответствующим представлениям уездных начальников, столкнувшихся с кочевой аристократией и ее клеветами в сфере традиционного самоуправления и народного суда. Это не могло не влиять на настроения рядовых членов номадных сообществ, но оно и не носило всеобъемлющего, тотального и взрывоопасного характера.